

Pospíšil, Ivo (editor)

Переписка Андрея Курбского и Ивана Грозного

In: Pospíšil, Ivo. *Stará literatura východních Slovanů a ruská literatura 18. století : (přehled a exkurzy s ukázkami textů z literatury 11.–17. století)*. 1. vyd. Brno: Masarykova univerzita, 2014, pp. 167-171

ISBN 978-80-210-7281-7; ISBN 978-80-210-7284-8 (online : Mobipocket)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/131906>

Access Date: 04. 04. 2025

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Переписка Андрея Курбского и Ивана Грозного

Первое послание Андрею Курбскому — самое крупное из публицистических произведений Ивана IV; оно является несомненно и одним из важнейших памятников древнерусской публицистики в целом. Послание, датированное 5 июля 1564 г., написано в ответ на Первое послание Курбского. Быстрота, с которой было написано это обширное послание (пять-шесть недель), делает весьма вероятным предположение о том, что оно составлялось не одним лицом, а дьяками царской канцелярии (как и дипломатические послания). Однако ключевые места послания (воспоминания детства Грозного, полемические выпады против оппонента) несомненно принадлежали самому царю: «грубиянский» стиль послания и даже отдельные его обороты (сравнение противника с собакой) напоминают более поздние сочинения царя — например, послания шведскому королю Юхану III.

Как и Первое послание Курбского, послание царя, очевидно, предназначалось главным образом не его формальному адресату, а более широким кругам читателей. Первое послание Ивана Грозного включает в себе и прямые свидетельства об этом: в его ранних редакциях оно озаглавлено как послание царя «во все его великия Росии государство (в других списках: Российское царство) на крестопреступников его, князя Андрея Михайловича Курбского с товарищи о их измене»; один из наиболее ранних списков послания содержит еще особое указание: «Послание цареву во все города на крестопреступников его...»

Главным предметом полемики между царем и Курбским был вопрос о том, кто из них верен политике начала царствования Ивана Грозного (политике Стоглавого собора 1551 г. и реформ 50-х гг.). Оба они были согласны в том, что Иван IV в начале царствования был «пресветлым в православии», но Курбский утверждал, что, расправившись с прежними советниками («Избранной радой»), царь стал «супротивным» прежней политике. В ответном послании, которое в 20 раз обширнее послания Курбского, царь, обвиняя Курбского в измене, вновь и вновь доказывал свою верность «пресветлому православию» начала своего правления. Главными врагами государства он объявлял «изменных бояр» (ставя при этом в вину Курбскому «боярское правление» в годы своего детства, хотя Курбский был ровесником царя). Это указание на «бояр» как главных противников самодержавия оказало большое влияние на историографию последующего времени. Царь уверял, что главной целью его существования является благо поданных: «...за них желаем противу всех враг их не токмо до крови, но и до смерти пострадати». По его словам, все репрессии против прежних советников уже позади, «ныне же убо все»,

в том числе и единомышленники Курбского, могут наслаждаться «всяким благом и свободой» и не опасаться наказаний за «прежнюю злобу». Все это писалось летом 1564 г. — за полгода до учреждения опричнины.

Первое послание Грозного Курбскому не дошло до нас в списках XVI в.; наиболее ранние его списки относятся к первой трети XVII в. Причиной этого наряду с общей бедностью светской рукописной традиции XVI в. является и то, что послание, в котором объявлялась «свобода» и прекращение «гонений» и с сочувствием упоминались лица, впоследствии погибшие в опричнине, стало неуместным с точки зрения его царственного автора.

Первое послание Курбского дошло до нас в трех редакциях — 1-й Пространной, Краткой и 2-й Пространной. Первоначальной является несомненно 1-я Пространная редакция, и наиболее первичный ее текст читается в списках, где послание царя еще не было, как это случилось впоследствии («Печерские сборники», «Сборники Курбского» конца XVII века), объединено в одних сборниках с посланием Курбского. Текст публикуется по списку РНБ, собр. Погодина, № 1311, использованному в качестве основного списка в издании «Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским». В настоящем издании текст основного списка в ряде случаев заново исправлен по лучшим чтениям рукописей ФИРИ, ф. 11, № 41 и РНБ, собр. Титова, охр. № 1121; новая сверка текста с рукописью проведена Е. И. Ванеевой.

БЛАГОЧЕСТИВАГО ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ИОАННА ВАСИЛЬЕВИЧА ВСЕА РУСИИ ПОСЛАНИЕ ВО ВСЕ ЕГО ВЕЛИКИЯ РОСИИ ГОСУДАРСТВО НА КРЕСТОПРЕСТУПНИКОВЪ, КНЯЗЯ АНДРЕЯ МИХАЙЛОВИЧА КУРЬСКОГО С ТОВАРЫЩИ, О ИХЪ ИЗМЪНЕ

Богъ нашъ Троица, иже прежде вѣкъ сый и нынѣ есть, Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ, ниже начала имѣеть, ниже конца, о немже живемъ и движемся, имже царие величаются и силнии пишут правду, иже дана бысть едиnorodнаго слова Божия Исусъ Христомъ, Богомъ нашимъ, побѣдоносная хоруговь — крестъ честный, и николи же побѣдима есть, первому во благочестии царю Константину и всѣмъ православнымъ царемъ и содержителемъ православия. Понеже смотрения Божия слова всюду исполняшеса, и божественнымъ слугамъ Божия слова всю вселенную, яко же орли летаниемъ, обтекше, даже искра благочестия доиде и до Росийскаго царствия. Сего убо православия истиннаго Росийскаго царствия самодержавство Божиимъ изволениемъ поченъ от великого князя Владимира, просвѣтившаго Рускую землю святымъ крещениемъ, и великого

князя Владимира Мономаха, иже от грекъ высокодостойнѣйшую честь приимшу, и храбраго великого государя Александра Невского, иже над безбожными нѣмцы велию побѣду показавшаго, и хваламъ достойнаго великого государя Димитрия, иже за Дономъ над безбожными агаряны велию победу показавшаго, даже и до мстителя *неправдамъ*, дѣда нашего, великого государя Иоанна, и законѣннымъ прародителства землямъ обрѣтателя, блаженыя памяти отца нашего великого государя Василя, даже доиде и до насъ, смиренныхъ, скипетромдержания Російского царствя. Мы же хвалимъ Бога за премногую его милость, произшедшую на насъ, еже не попусти доселе десницъ нашихъ единоплеменную кровию обагрится, понеже не восхотѣхомъ ни под кимъ же царства, но Божиимъ изволениемъ и прародителей своихъ и родителей благословениемъ, яко же родихомся в царствии, тако и воспитахомся и возрастохомъ и воцарихомся Божиимъ велѣниемъ, и прародителей своихъ и родителей благословениемъ свое взяхомъ, а чюжого не восхотѣхомъ. Сего православнаго истиннаго христианского самодержавства, многими владычествы владѣющаго, повелѣния, нашъ же христианский смиренный отвѣтъ бывшему прежде православнаго истиннаго христианства и нашего самодержавия боярину и совѣтнику и воеводе, нынѣ же крестопреступнику честнаго и животворящаго креста Господня, и губителю христианскому, и ко врагомъ христианскимъ слагателю, отступшему божественнаго *иконнаго* поклонения и поправшему вся священная повелѣния, и святые храмы разорившему, осквернившему и поправшему священныя сосуды *и образы*, яко же Исавръ, Гноетезный, Арменинъ, и симъ всимъ соединителю, — князю Андрею Михайловичю *Курбскому*, восхотѣвшему своимъ измѣннымъ обычаемъ быти ярославскому владыце, вѣдомо да есть.

Почто, о княже, аще *мнишися* благочестие имѣти, едиnorodную свою душу отвергль еси? Что же *даси* на ней измѣну в день Страшнаго суда? Аще и весь миръ приобрящеши, послѣди смерть всяко восхититъ *тя*; чесо ради на тѣле душу предалъ еси, аще убоялся еси смерти, по своихъ бесоизвыкшихъ друзей и назирателей ложному ихъ слову? И всюду, яко же бѣси на весь миръ, тако же и ваши изволившия быти друзи и служебники, насъ же отвергшеса, преступивше крестное целование, бесовъ подражающе, *на насъ многоразличными виды всюду сѣти поляцающе* и бѣсовскимъ обычаемъ насъ всячески назирающе, блюдуще глаголания и хождения, мняще насъ аки безплотныхъ быти, и от сего многая швивающе на насъ поношения и укоризны, и во весь миръ позорующихъ и к вамъ приносяще. Вы же имъ воздарие многое за сие злодѣйство даровали есте нашею же землею и казною, называючи ихъ ложно слугами; и ото *сихъ* бесовскихъ слуховъ наполнилися есте на мя ярости, яко же ехидна смертоносна, възъярився на мя

и душу свою погубивъ, и на церковное разорение стали есте. Не мни праведно быти: възъярився на челоуѣка и Богу приразитися; ино бо челоуѣческо есть, аще перфиру носитъ, ино же Божественно есть. Или мниши, окаянне, како уберечися того? Никако же! Аще ти с ними воеватися, тогда ти и церкви разоряти, и иконы попирати и крестияны погубляти; аще и руками гдѣ не дерзнеши, но мыслию яда своего смертоноснаго много сия злобы сотвориши.

Помысли же, како браннымъ пришествиемъ мяхкая младенческая удеса конскими ногами стираема и разтерзаема! Егда убо зимѣ належащи, сия наипаче злоба совершается. И сие убо твое злобесное измѣнное собацкое умышление како не уподобится Иродовому злomu неистовству, еже во младенцехъ убийство показа? Сие ли убо мниши быти благочестие, еже сицевая творити злая? Аще ли же насъ глаголеши воющихъ на кристьянъ, еже на германы и литаоны — ино нѣсть сие, нѣсть. Аще бы и кристяне были в тѣхъ странахъ, и мы *воюемъ* по прародителей своихъ обычаю, яко же и прежде сего многожды случилось; нынѣ же вѣмы, в тѣхъ странахъ нѣсть христянъ, развѣ малѣйшихъ служителей церковныхъ и сокровенныхъ рабъ Господнихъ. К сему убо и литовская брань учинилася вашею измѣною и недобротствомъ и нерадѣниемъ безсовѣтнымъ.

Ты же тѣла ради душу погубилъ еси, и славы ради мимотекущая нетлѣнную славу презрѣлъ еси, и на челоуѣка възъярився, на Бога возсталъ еси. Разумѣй же, бѣдникъ, от каковыя высоты и в какову пропасть душею и тѣломъ сшелъ еси! Збысться на тебѣ реченное: «Иже имѣя мнится, взято будетъ от него». Се твое благочестие, еже самолюбия ради погубилъ ся еси, а не Бога ради? Могутъ же разумѣти и тамо сущи и разумъ имуще твой злобный ядъ, яко славы ради сея маловременныя жизни скоротекущаго вѣку и богатства ради сие сотворилъ еси, а не от смерти бѣгая. Аще праведенъ и благочестивъ еси, по твоему глаголу, почто убоялся еси неповинныя смерти, еже нѣсть смерть, но приобретение? Последи же всяко умрети же. Аще ли же убоялся еси ложнаго на тя отречения смертнаго, по твоихъ друзѣй, сотонинскихъ слугъ, злодѣйственному солганию, се убо явно есть ваше измѣнное умышление от начала и до нынѣ. Почто же апостола Павла презрѣлъ еси, якоже рече: «Всяка душа владыкамъ превладѣющимъ да повинуется; никоя же бо владычества, яже не от Бога, учиненна суть: тѣмъ же противляяся власти Божию повелѣнию противится». Смотри же сего и разумѣй, яко противляяся власти Богу противится; аще убо кто Богу противится, — сей отступникъ именуется, еже убо горчайшее согрѣшение. Сие же убо реченно бысть овсякой власти, еже убо кровми и бранми приемлюще власти. Разумѣй же реченное, яко не восхищениемъ прияхомъ царство; тѣмъ же наипаче противляяся власти

Богу противится. Тако же и апостоль Павелъ рече, ты же и сия словеса презрѣль еси: «Раби, послушайте господий своихъ, не перед очима точию работающе, яко чловѣкомъ угодницы, но яко Богу, и не токмо благимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совесть». Се бо есть воля Господня, еже благое творяще пострадати. И аще праведенъ еси и благочестивъ, про что не изволилъ еси от мене, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити?

Но ради привременныя славы, и самолюбия, и сладости мира сего все *свое* благочестие душевное со крестиянскою вѣрою и з закономъ попралъ еси, уподобился еси сѣмени, падающему на камени и возрастшему; возсиявшу же солнцу со зноемъ, абие словесе ради ложнаго соблазнилъ еси, и *отпалъ* еси и плода не сотворилъ еси; и по ложныхъ словесѣхъ убо, подобно на пути падающему сѣмени, сотворилъ еси, еже убо всѣявше слово к Богу вѣру истинну и к намъ прямую службу — сие убо врагъ все из сердца твоего изхитилъ есть и сотворилъ в своей воли ходити. Тѣмъ же и вся Божественная Писания исповѣдуютъ, яко не повелѣвають чадомъ отцемъ противитися, а рабомъ господиямъ кромѣ вѣры. Аще убо сие от отца твоего, диявола, *восприимъ*, много ложными словесы своими сплетаеши, яко вѣры ради избѣжалъ еси — и сего ради живъ Господь Богъ мой, и жива душа моя, — яко не токмо *ты*, но и всѣ твои согласники, бѣсовские служители, не могутъ в насъ сего обрести. Паче же уповаемъ, Божия слова воплощениемъ и пречистыя его матери, заступницы христианския милостию и всѣхъ святыхъ молитвами, не токмо тебѣ сему *отвѣтъ* дати, но и противу поправшихъ святыя иконы, и всю христианскую божественную тайну отвергшимъ, и Бога отступльшимъ (к нимъ же ты любителнѣ совокупился еси), словесъ сихъ нечестие *изобличити* и благочестие явити и воспроповѣдати, яко же благодать возсія.